

Литературная газета

Понедельник, 10 августа 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (608)

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ГЕРОЯМ-ЛЕТЧИКАМ, СТАЛИНСКИМ ПИТОМЦАМ товарищам ЧКАЛОВУ, БАЙДУКОВУ, БЕЛЯКОВУ!

ПРИВЕТ ПОКОРИТЕЛЯМ ВОЗДУШНЫХ ПРОСТРАНСТВ!

Покорителям воздушных пространств, Героям Советского Союза Чкалову, Байдукову и Белякову, пламенный привет. Совершив беспрецедентный в истории авиации перелет по сталинскому маршруту, советские летчики доказали, что они являются подлинными большевиками, достойными своего великого вождя Сталина, достойными своей социалистической родины.

М. КАЛИНИН

Героям страны Советов, неустранным пилотам сталинского маршрута, славным сынам нашей великой родины тт. Чкалову, Байдукову и Белякову, Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов шлет пламенный привет и поздравляет с величайшей победой.
Секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов Н. ШВЕРНИК.

Привет героическим летчикам, победителям пространства и суровой природы!

Мы гордимся не просто спортивными рекордами, а рекордами выносливости, отваги, упорства и техники.

Мы гордимся нашими летчиками, конструкторами, инженерами.

Мы гордимся нашими самолетами!

Мы гордимся тем, что лучшие и самые совершенные орудия советской

техники служат делу изучения и покорения природы в интересах трудового человечества!

Ваш перелет — большая победа людей, воспитанных великим Сталиным, людей новой эпохи.

Страна, воспитывающая таких людей, страна, руководимая вождём народов Сталиным, — непобедима.

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩИ В. П. ЧКАЛОВ, Г. Ф. БАЙДУКОВ и А. В. БЕЛЯКОВ

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО ПЛЕМЕНИ

Никому неизвестный американский пилот почтовой линии Чарльз Линдберг в 1927 г. перелетел впервые в истории человечества Атлантический океан. Он был один на самолете, никто, кроме его матери, не знал о полете. Когда самолет Линдберга приземлился на французском аэродроме, имя Линдберга облетело весь мир. Гордый герой-одиночка, бравый конкурент капиталистического мира, в котором человек человеку — волк, тайком от всех завоевал себе мировую славу. Там, в мире эксплуатации и насилия, герой — одиночек, он стоит над толпой. Там личная слава и жесточайшее честолюбие, движимые жаждой обогащения, поднимают героя к жизни.

Слава героев в мире социализма иная. Это слава социалистической родины. Герой Советской страны питается любовью героического народа. Вся страна следит с напряженным вниманием за героическими делами своих людей, участвует в создании этих дел, ибо каждый из героев — плоть от плоти, кость от кости героического народа, продолжавшего три революции и в жестокой, кровавой и созидательной борьбе построившего социалистическое общество.

Сегодня прилетают в Москву Герои Советского Союза Валерий Чкалов, Георгий Байдуков, Александр Беляков, успешно завершившие беспрецедентный в истории авиации беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный Ледовитый океан—Камчатка—Николаевск-на-Амуре, на самолете, сделанном до последней заклепки советскими заводскими конструкторами, мастерами и рабочими.

Свыше девяти тысяч километров прострела стальная советская птица с могучим и невиданным еще в истории авиации размахом крыльев. Бесперебойный стальной клевет ее мотора слышали лесистый материк северной части СССР, холодные и безмолвные льды Арктики, горные хребты Камчатки, бурные валы беспокоренного Охотского моря, любимые страной рубежи Дальнего Востока. Стальная птица, ведомая героями-пилотами, пробивала пикиры и штормы, экипаж с большевистским упорством, волей и мастерством побеждал все трудности и завершил с успехом беспрецедентный в истории авиации перелет, вошедший в историю авиации под названием «Сталинский маршрут».

В течение трех дней вся Советская страна с напряженным вниманием следила за героическим полетом советских летчиков. Эти летели люди советской земли, своим полетом открывающие новые пути для трансарктической авиации. Эти летели люди, воспитанные социалистической революцией, большевистской партией, сталинские питомцы, крепящие оборону социализма, социалистической родины.

Они летели, напутствуемые словами вождя народов Сталина: «Ваша победа будет победой Советской страны». Они летели, окруженные заботой, вниманием, поддержкой всей страны, всего народа. В наиболее опасных точках перелета они могли надеяться на реальную помощь людей, советской техники, советских радиостанций, самолетов, ледоколов.

Победа наших летчиков, слава их — это победа, слава страны, партии, героического советского племени.

Как отличен принципиально этот полет, рассчитанный и проверенный до мельчайшей детали, полет, сошедший с героизмом и разумом, мужеством и мастерством, русский революционный размах с американской деловитостью, от полета одиночки Линдберга, летевшего в неизвестность, безумца, скрывающего час и день своего отлета, надевшегося лишь на волю PROVIDENCE, рассчитывавшего лишь на личную удачу.

В этих двух полетах сказывается различие двух систем — капиталистической и социалистической. Там жизнь человека — дешёвый материал. Для нас человек — самое ценное, что есть в этом мире.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины, — сказал товарищ Сталин летчику Чкалову 2 мая 1936 года, во время посещения им Московского аэродрома.

Эта забота о человеке как о самом ценном из всех капиталов мира характеризует нашу Советскую страну и всю эпоху социализма. В прошлом забытая, отсталая страна, не имевшая своей промышленности, своего моторостроения, своей авиации, сегодня вышла на передовые позиции техники. Мы устанавливаем мировые рекорды высоты, дальности полетов, мы поднимаемся в стратосферу, побеждаем раскаленные пески пустыни Кара-Кум и безмолвные ледяные просторы изменчивой Арктики. Все творческие силы народа раскрепощены социалистической революцией. Эпоха пилоток Сталина дала им правильный маршрут.

Только в условиях социализма возможно такое массовое появление героев. С помощью всей страны, всего героического народа вчера еще никому неизвестный летчик, испытатель новых конструкций летательных машин, сегодня со своими скромными и мужественными товарищами стал известен всему миру.

Сегодня вместе с Москвою вся страна празднует победу советской авиации, славит летчиков — Героев Советского Союза, гордых соколов нашей страны, достойных сынов великого народа.

Героический перелет Чкалова, Байдукова, Белякова еще раз напоминает советским писателям, как велика, как неисчерпаема тематическая сокровищница наших дней. Какие величественные героические и монументальные образы подкашивает писателю наша эпоха! Подъем и дальность полета произведений советского искусства попрежнему ничтожны в сравнении с теми расстояниями и высотами, какие устанавливает действительность героического советского народа.

ПУТЬ, НЕВОЗМОЖНЫЙ ДЛЯ ПТИЦ, ПРОЙДЕН

Птицы не летают по таким трассам, потому что им не приходится роторваться в обороне родины.

Сегодня вместе с Москвою вся страна празднует победу советской авиации, славит летчиков — Героев Советского Союза, гордых соколов нашей страны, достойных сынов великого народа.

Обычно при постановке рекордов, пользуются временем гола, вымывают условия, если не способствующие, то хотя бы не мешающие эффекту.

Путь наших летчиков сделан против шерсти. Это самая тяжелая трасса, какую только можно было выбрать.

Мы не будем нападать. Но какова бы ни была погода в тот день, когда на нас нападут, какие бы ветры, туманы не были бы над нашей страной, — наши летчики уже доказали, что не только погода будет им побеждена.

Путь эскадры генерала Рожественского — прогулка сравнительно легким путем, продланная аэропланом Чкалова.

Изменились наши люди, изменилась наша техника.

Остановит ли это тех, кто любит вспоминать и не любит думать о будущем?

В. ШКЛОВСКИЙ

Имя Сталина — Вперед и выше!

По часам и даже по минутам Мы следим взором всей страны, Как летели Сталинским маршрутом Родины отважные сыны. Крылья их в пути обледенели, Но они закончили свой путь, Ибо сквозь туманы и метели Имя Сталина им греет грудь.

ВЕРА ИШБЕР

Быть достойными героических дел нашей родины

Люди Советской страны — гордые люди. Каждый день в Советской стране полон героических фактов, отважных поступков, полон многих дел, славных и мужественных, возможных только у нас в стране строящегося социализма. Но даже на фоне героических дел нашей родины исключительный перелет Чкалова, Байдукова и Белякова является фактом настолько прекрасным, настолько советским, что спокойно о нем говорить трудно. В самом деле, величие нашей страны, величие Страны Советов, руководимой вождём народов Сталиным, величие духа советских летчиков, величие духа и реального отчаяния в этом перелете. Нам, художникам слова, перелет Чкалова, Байдукова и Белякова дает много материала для творчества.

Мне кажется, что после такого перелета и пьесы и книги наши должны стать лучше.

Герои Советского Союза протомоестривают нам, что такое высокое качество творчества. Не только самый перелет их должен стать материалом для повести, пьес, стихов, но и каждый факт перелета должен быть в нашем искусстве эрой, после которой невозможно будет писать мелкие и незначительные вещи.

Героям-летчикам, товарищам Чкалову, Байдукову и Белякову, пламенный привет и благодарность.

КОНСТАНТИН ФИНН

Нас не застигнут врасплох

Когда вылетел на север «АНТ-25», миллионы советских людей в течение трех суток напряженно следили за картой огромного и труднейшего пути трех отважных пилотов. Когда они приземлились, сразу на весь мир, каждый гражданин Советского Союза и каждый из друзей его удивительно и радостно вздохнул: — ведь перелет, что и говорить, был серьезнейшим!

Действительно, вообразить только эти пятьдесят шесть часов выхты в воздухе, лицом к лицу с неистовыми предателями арктической природы! А сами они, эти люди-герои? Разве не бывает, что после напряженного боя силы человека доходят «до предела» — и вдруг «сдвигаются» — и еще какой-нибудь орган человеческого тела? А то и немыслимо какой-нибудь совсем крохотный винтик в машине, и вот начинай все сначала.

Но ничего этого не случилось с нашими героями... Машина была по-прежнему, все механизмы работали четко, мотор служил бою, сопротивление природы было преодолено.

А человеческое тело показало такую выносливость и гибкость, что многие слова «человек» еще его можно взять под сомнение. Советские пилоты Чкалов, Байдуков и Беляков выжили победителями из этого великого подвига непреклонной человеческой воли с грозной и лукавой Арктикой и со всеми трудностями освоения новой беспосадочной трассы.

И вот герои прилетают обратно в родную Москву. Семья героев Советского Союза расширилась. Советская авиация обогатилась новой

Москва — остров Уд — Москва. Замкнулось кольцо замечательного перелета.

Три новых Героя Советского Союза прилетают на Московский аэродром.

Характерно, что первые 11 Героев Советского Союза — все летчики. Гордые соколы нашей родины, сталинские питомцы, они являются живым выражением успехов нашей страны.

...У нас не было авиационной промышленности. Теперь она у нас есть... Бомля «АНТ-25» облетела по Сталинскому маршруту колоссальное пространство — по пути наибольшего сопротивления.

И это — тоже примечательно! Путь наибольшего сопротивления, большевистский, сталинский путь неуклонного нашего движения вперед и выше.

Мы отныне знаем — сегодня, это сопротивление ветров, туги, обледенение винта и плоскостей.

А. АБИНОГЕНОВ

ВЕЛИКАЯ ПОЭМА СОЗДАЕТСЯ НАШЕЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Замечательным героем, победителем воздушных пространств, гордостью нашей великой родины — дорогим товарищам Чкалову, Байдукову и Белякову — почтительный и восторженный привет.

Ваш величайший перелет, совершенный без посадки на пространстве четверти земного круга, поразила весь мир. Вы совершили этот перелет в тяжелых условиях Арктики и Охотского моря, и этот беспрецедентный подвиг доказал, что наши герои-летчики и наши аэропланы способны выдержать любые испытания и противоборствовать любым преградам.

Много чудесных и труднейших подвигов совершено нашими доблестными летчиками за последние годы, и эти подвиги были необычайными в истории авиации. Эти победы наполняли гордостью и счастьем наши сердца. Но необыкновенный ваш перелет, удивительный по своей мощи и красоте, — это подвиг, достойный сталинской эпохи. Это — подвиг

Завтра это может быть сопротивлением врага — фашистских истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков.

И в том и в другом случае — вперед и выше!

Вражеские штурмовики будут отброшены. Крылья наших самолетов будут видны там, где лежит новый маршрут сталинской армии социализма.

Потому что вести эти самолеты будут Чкаловы и Леваневские, Байдуковы и Громовы, Беляковы и Володькины, Коккинаки и Прокофьевы и сотни и тысячи других людей, всем нам известными и дорогими.

Перелет Чкалова, Белякова и Байдукова вдохновляет. Широкая дорога подвигов и славы открыта перед каждым сыном и дочерью нашей родины.

Какой бы ни была программа по литературе, — а она, как известно, составлена плохо, — может ли быть из нее толк, если на ее реализацию отведено два часа в шестидневку? Не мудрено, что учащиеся получают лишь обрывки сведений по литературе. Не мудрено, что преподаватели перескакивают от одного писателя к другому и дают учащимся самые поверхностные знания.

Среди преподавателей весьма распространены «теории» вульгарных социологов. Последние пытаются сводить всю сложность и все значение творчества того или иного писателя к элементарнейшей классовой характеристике. Самое главное, что они, скажем, открыли в творчестве Гоголя, — это то, что автор «Мертвых душ» является типичным представителем не то мелкопоместного, не то среднепоместного дворянства. Творчество же Гоголя они не в силах не только объяснить, но даже понять.

Подобные упрощенческие теории пользуются успехом у некоторой части учителей, так как они не требуют много времени и доступны каждому. Учебные планы и программы прямо толкают наименее подготовленную часть учителей к использованию сугубо неверных и вредных «теорий». Необходимо тщательно проверить и пересмотреть учебные планы, программы, учебники по художественной литературе. Одновременно надо провести решительную борьбу с теми «теориями», которые сводят все богатство нашей, а заодно и западной литературы к бессодержательным формулам.

Приведем здесь только один пример применения подобной «теории». Литературовед Н. К. Писанов в книге «Грибоедов» чрезвычайно гордится одним важным, по его мнению, открытием, а именно: «Грибоедов я отношу к культурному стоицизму среднему дворянству. В эту социальную группу я включаю не только Грибоедова, но и Карамзина, и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова, и Тургенева.

Выяснить классовую основу творчества писателя — обязанность критика, считающего себя марксистом. Беда в том, что Писанов подводит всех названных им классиков под один общий знаменатель.

«Открытие» Писанова сводится к следующему: «Все это приводит нас к тому заключению, что «Горе от ума» — барская пьеса. Это самая барственная из пьес русского репертуара... Это барская пьеса и по автору, и по герою, и по бытовому содержанию, и по идеологии. Она барственна и по своему лиризму».

Неприятно после этого, для чего советским школьникам надо внимательно читать бессмертную грибоедовскую комедию, зачем ее надо ставить на советской сцене и зачем вообще о ней думать, когда это не больше, чем барская пьеса. Появление подобных литературоведческих книг, сбивающих с толку преподавателей, — позор для наших издательств.

Величайший из поэтов — Пушкин был сыном своего класса и своего времени, но никто еще до него, как и после него, не отразил жизнь всей страны в таких художественных образах, в таких стихах. Именно в наше время творения Пушкина получили наибольшую популярность. Только освобожденный от ига капитализма народ настоящего оценил Пушкина. Советская страна готовится торжественно отметить столетие со дня его смерти. Коммунистическая партия и правительство делают все необходимое для продвижения произведений Пушкина в самые широкие массы. И это понятно. Народ его язык, его характер и эпос — вот та почва, в глубину которой уходит корни пушкинского гения.

Нельзя больше терпеть, чтобы в школе извращалось преподавание художественной литературы. Оканчивающие среднюю школу должны не только знать кое-что о великих русских писателях, но знать и самые произведения этих писателей.

Великие художники прошлого принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать в историческую ветошь, как пытаются это сделать вульгарные социологи. Великие художники были для нас. Их труды не пропали даром: лучшие их произведения будили умы и помогали народу двигаться вперед и тем самым найти путь к освобождению. Художественные произведения классиков, живые дыханием жизни и биением горячего человеческого сердца, могут помочь нашей молодежи понять не только прошлое, но и настоящее.

Между тем, вульгарные социологи, извращенно толкующие произведения классиков, отбивают охоту у школьников изучать классическую литературу. Наше юношество, советские дети проникнуты революционным духом и ненавистью к отмирающим классам. Любимыми их героями являются борцы с эксплуататорами трудового народа. Естественно, что безапелляционная наклепка вроде: «дворянский поэт», «барская пьеса» и т. п. не может вызывать у школьников особой симпатии к произведениям классиков.

Художественная литература имеет огромное познавательное и воспитательное значение. Лучшие произведения классиков и современных писателей должны изучаться в советской школе с достаточной полнотой и тщательностью. Пора закрыть доступ в советскую школу вульгарным социологам и их «теориям».

АННА КАРАВАЕВА

Вылетая из Москвы, они горели одной мечтой — выполнить с честью маршрут, который Чкалов назвал «Сталинским маршрутом». Но чем пламеннее была мечта, тем выносливее было каждое движение этих пилотов, тем точнее был расчет. Это была мечта, осанная революционной волей и высокой техникой советской авиации, целой системой новейших научных расчетов.

Советский герой умеет смотреть вперед: такие перелеты имеют огромное оборонное значение. Вокруг нашей родной страны, занятой мощным строительством и мирным трудом, все теснее сгущается туман, угрожающий тропею жизни. Европа напоминает пороховой погреб, вокруг которого уже среди бела дня поспевают шипящие с горничными факелами поджигатели войны, фашистские интервенции и бойноты.

Нас не застигнут врасплох, и врагам от ударов нашей Красной армии не пощадится, — пусть летают на себя!

Наша партия, наше правительство, все трудящиеся с исключительной заботой и любовью относятся к нашей Красной армии, потому что армия наша — это мы сами, рожденный народ. Новые Герои Советского Союза — Чкалов, Байдуков и Беляков — плоть от плоти этой героической армии. И сколько еще таких героев, бесстрашных, верных бойцов летает она, наша родная Красная армия.

Красавцы-люди! Наши гордые соколы! Дорогие товарищи Чкалов, Байдуков и Байдуков, как радостно даже мысленно позвать ваши рубли!

АННА КАРАВАЕВА

«Правда», 8 августа.

Творчество народов СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРЕЛИЯ

ГЕННАДИЙ ФИШ

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ

Как и все республики и области Советского Союза, Карелия готовится к столетию дня гибели А. С. Пушкина. Надательство «Кирья» выпускает в переводе четыре книги: книгу лирики, янтарную прозу, книгу сказок и «Евгения Онегина». Переводы реальных и возможных, он будет даже президиум. «Сказки» — «Пиковая дама» и «Дубровский» — выданы в книгу прозы, — уже вышли в свет отдельные издания.

Почти весь актив союза советских писателей Карелии, знающий русский язык, привлечен к серьезнейшей и ответственной работе — к переводу произведений великого Пушкина. Отдельные переводы делаются финскими писателями Ленинграда (Хелле) и Москвы (Халле).

Русификаторская захватническая политика самодержавия открывала все интеллектуальные и литературные круги Финляндии от России и всего русского. Контрреволюционная буржуазия Финляндии в борьбе с рабочим движением изо всех сил пыталась культивировать эти настроения и по сей день. Вот почему многие русские культурные достижения великого народа, вошедшие уже в мировую обиход, до сих пор находятся еще под семью замками для финнов.

Вот почему вряд ли кто в Финляндии знает об оппозиционном отношении Пушкина к политике, проводимой Александром I и Николаем I по отношению к Финляндии. Вот почему до 1936 г. даже «Евгений Онегин» не был переведен на финский язык.

Переводчик русских стихов на финский сталкивается с трудностями, которые возникают с тем, которые возникают в своей работе переводчик английских стихов на русский язык. Финские слова значительно длиннее русских.

Музыкальная рифма затруднена хотя бы тем, что главнейшее ударение на первом слоге.

Переводчик «Евгения Онегина» удалось во многом достичь пушкинской тексты до читателя, но основной недостаток перевода состоит именно в сглаживании общественных моментов, политических высказываний поэта. Так, например, вымучен политический язык:

«Там некогда гулял и я,
Но — север для меня».

Вместо светлых, в которых звучит и очень мила — слов, в которых звучит критика «севера», в переводе сказано: «он решил». Вместо: «как государство богатеет» у переводчика — «как народ богатеет». Во всех этих извращениях нельзя не заметить определенной тенденция.

Перевод «Евгения Онегина» нуждается в тщательной и кропотливой редакции. Вот эту работу сейчас и проводит национальный карельский поэт Ямар Виртанен, работающий, кроме того, над переводом «Бориса Годунова». Приближая к карельскому и финскому читателю бесценные произведения русской литературы, поэт и сам творчески растет. Перевод «Бориса Годунова» будет не только подарком карельской общественности к столетию годовщины гибели Пушкина, но и показателем творческой неослабеваемости Ямара Виртанена, в сентябре празднующего тридцатилетний юбилей своей литературной деятельности.

ЮБИЛЕЙ Я. ВИРТАНЕНА

Празднование юбилей тридцатилетней литературной деятельности Ямара Виртанена перенесено с июля на сентябрь. К этому времени выйдет одностопный стихов Ямара Виртанена на финско-карельском языке и книга его избранных стихов в переводе на русский язык (над переводами работают переводчицы).

О том, что существует рабочий финско-карельский поэт Ямар Виртанен, я впервые узнал в 1929 году из статьи Максима Горького. Внимательный друг всех советских писателей, Алексей Максимович Горький как рачительный хозяин следил за каждым и молодым и уже достигшим известности ступеней мастера писателем. Можно только удивляться тому, как мог он успевать столько работать и столько людям помогать личным советом!

Статью Горького об Ямаре Виртанене надо бы сейчас опубликовать в широкой прессе; кроме интереса непосредственно для карельской литературы, она имеет еще и большее значение, — в ней говорится о поэтической специфике революционного романтизма советского литератора.

Личное знакомство мое с Я. Виртаненом произошло позднее — осенью 1931 года, когда Ямар Виртанен встретил созданную по его же инициативе бригаду ленинградских писателей. (Я хочу воспользоваться случаем, чтобы принести благодарность Ямару Виртанену за то, что мой роман «Мы вернемся, Suomi» стал доступен финским и карельским читателям в его переводе).

Союз писателей в Карелии имеет две группы: группу товарищей, пишущих на финском языке, и группу русских писателей. Нам группа финско-карельских писателей представляется литературно более значительной и крепкой. Правда, в творчестве многих из них в недавнем прошлом выдвинулись националистические тенденции. Здесь, конечно, сказались и общие ошибки руководства карельской парторганизации, астрыные осенью прошлого года. Не забывая таких сынов и сам Я. Виртанен («Марш егерей»). Основан эти ошибки финско-карельские писатели стремятся к их преодолению. Они успешно работают.

Интереснейший писатель Эмиль Паррас (его роман «Юмювараси», являющийся одним из крупнейших произведений революционной финской литературы, вот уже третий год «переводится» и числится в планах Госиздата, но не попадает в печать) сейчас работает над большим романом из сегодняшней жизни пограничного района Калеваля (был. Ухты). Работники заканчивают роман «Желтый дьявол» — из жизни моряков. Писатель Нюганен пишет роман, основанный на материале, полученном из Мурманского побережья Баренцева моря. Писательница Тихола пишет III том романа «Лист первоурожая» (второй том вышел из печати). Это роман о Великой социалистической революции в России, и его также следовало бы рекомендовать вниманию советских журналистов и Госиздата.

Изменившаяся в связи с новым курсом политика издательства «Кирья» творчески оживила и группу русских писателей Карелии. (Раньше «Кирья» печатала только финских писателей). В ближайшее время выйдет в свет книга повести и книги стихотворений Николая Грибова; заканчивая книгу «Беломорские партизаны», написанную на интереснейшем фактическом материале, т. Л. Невский; работает над повестью о гражданской войне в Карелии — «Гранит» — С. Норин. Поэт Николова из Завоножья готовит к печати большую книгу.

Во время занятия литературной работой, Ямар Виртанен только с недавних пор имеет возможность уделять ей должное количество времени. Правда, сейчас Ямар Виртанен является членом Обл. КНК, членом карельского ЦИК и председателем союза советских писателей Карелии, но все же (он сам так считает) при этой нагрузке он может уделять литературной работе гораздо больше времени, чем раньше.

Являясь в области политической борьбы передовым писателем, Виртанен и в литературной своей деятельности, целиком посвященной к числу настоящих новаторов в финской литературе. На творчество Ямара Виртанена большое влияние оказал Владимир Маяковский.

Поэт не принимает реальной действительности, резко противопоставляя ей иной, потусторонний мир.

Отсюда идет культ Прекрасной Дамы, одиознейшей собой «свободы» потусторонней мечты. За отдельными исключениями (от «Фабрика»), действительность раннего Блока выступает в преобразованном, иллюзорном виде. Его нежная, расчлененная, камерная поэзия отрешена от мира и плоти. Из своего романтического «далекого скита» поэт презрительно смотрит на «жалкую толпу».

С ненавистью отвернулся поэт от буржуазно-феодалитарного государства. Блок бросает по адресу своего проклятого: «Современная государственная машина... — писал он в 1909 году — есть, конечно, гнилая, слепая, вонючая старость, семидесятилетний сифилис, который поистине руки зарывает здоровую юношескую руку. Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица».

В тот момент, когда особенно стал модным интеллигентный аристократизм, Блок ставит вопрос об интеллигентности и народе. Прямо в противовес вековому отщепенству интеллигенции в отношении к народу. В блоковском понимании народ был много мистическим, но вместе с тем нельзя не видеть здоровых демократических корней его народности, принципиально отличной от соборности Мережковского и В. Иванова. Народом он называет среду религиозно-фидеистического общества словесным кафе-шантаном.

Находя социальную опору в народе, Блок включает в него интеллигентную интеллигенцию в своем критическом существующем строе. От аристократической критики капитализма, вышедшей свое выражение в ранних стихах, он переходит к критике следа. Блок связывает будущее России с судьбой крестьянства. «Роду хлеборобов» — пишет он в статье «Платье» — не будет конца, пока не разрешится самое сокровенное и самое страшное дело в России». Он тревожно ощущает приближение новой социальной революции в России. «Россия, вырвавшись из одной рево-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ РЕСПУБЛИКИ

Говоря об Ямаре Виртанене, необходимо сказать о литературной жизни Карелии, призванным руководителем которой он является.

Литературное движение в Карелии все время (хотя и неравномерно) развивается. Последние номера «Начала» никак нельзя сравнить с прежними томами выпусками «Ударника слова». (Следует сказать, что выпуск последнего номера журнала задерживается, кажется, по вине товарищей из ленинградского союза писателей).

Союз писателей в Карелии имеет две группы: группу товарищей, пишущих на финском языке, и группу русских писателей. Нам группа финско-карельских писателей представляется литературно более значительной и крепкой. Правда, в творчестве многих из них в недавнем прошлом выдвинулись националистические тенденции. Здесь, конечно, сказались и общие ошибки руководства карельской парторганизации, астрыные осенью прошлого года. Не забывая таких сынов и сам Я. Виртанен («Марш егерей»). Основан эти ошибки финско-карельские писатели стремятся к их преодолению. Они успешно работают.

Интереснейший писатель Эмиль Паррас (его роман «Юмювараси», являющийся одним из крупнейших произведений революционной финской литературы, вот уже третий год «переводится» и числится в планах Госиздата, но не попадает в печать) сейчас работает над большим романом из сегодняшней жизни пограничного района Калеваля (был. Ухты). Работники заканчивают роман «Желтый дьявол» — из жизни моряков. Писатель Нюганен пишет роман, основанный на материале, полученном из Мурманского побережья Баренцева моря. Писательница Тихола пишет III том романа «Лист первоурожая» (второй том вышел из печати). Это роман о Великой социалистической революции в России, и его также следовало бы рекомендовать вниманию советских журналистов и Госиздата.

Изменившаяся в связи с новым курсом политика издательства «Кирья» творчески оживила и группу русских писателей Карелии. (Раньше «Кирья» печатала только финских писателей). В ближайшее время выйдет в свет книга повести и книги стихотворений Николая Грибова; заканчивая книгу «Беломорские партизаны», написанную на интереснейшем фактическом материале, т. Л. Невский; работает над повестью о гражданской войне в Карелии — «Гранит» — С. Норин. Поэт Николова из Завоножья готовит к печати большую книгу.

Во время занятия литературной работой, Ямар Виртанен только с недавних пор имеет возможность уделять ей должное количество времени. Правда, сейчас Ямар Виртанен является членом Обл. КНК, членом карельского ЦИК и председателем союза советских писателей Карелии, но все же (он сам так считает) при этой нагрузке он может уделять литературной работе гораздо больше времени, чем раньше.

Являясь в области политической борьбы передовым писателем, Виртанен и в литературной своей деятельности, целиком посвященной к числу настоящих новаторов в финской литературе. На творчество Ямара Виртанена большое влияние оказал Владимир Маяковский.

Поэт не принимает реальной действительности, резко противопоставляя ей иной, потусторонний мир.

Отсюда идет культ Прекрасной Дамы, одиознейшей собой «свободы» потусторонней мечты. За отдельными исключениями (от «Фабрика»), действительность раннего Блока выступает в преобразованном, иллюзорном виде. Его нежная, расчлененная, камерная поэзия отрешена от мира и плоти. Из своего романтического «далекого скита» поэт презрительно смотрит на «жалкую толпу».

С ненавистью отвернулся поэт от буржуазно-феодалитарного государства. Блок бросает по адресу своего проклятого: «Современная государственная машина... — писал он в 1909 году — есть, конечно, гнилая, слепая, вонючая старость, семидесятилетний сифилис, который поистине руки зарывает здоровую юношескую руку. Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица».

В тот момент, когда особенно стал модным интеллигентный аристократизм, Блок ставит вопрос об интеллигентности и народе. Прямо в противовес вековому отщепенству интеллигенции в отношении к народу. В блоковском понимании народ был много мистическим, но вместе с тем нельзя не видеть здоровых демократических корней его народности, принципиально отличной от соборности Мережковского и В. Иванова. Народом он называет среду религиозно-фидеистического общества словесным кафе-шантаном.

АЛЕКСАНДР БЛОК (в пятнадцатилетие со дня смерти)

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА ИМЕНИ РУСТАВЕЛИ

С любезнейшим презрением относился карские саргаты к грузинскому искусству, в частности ко всем почитаемым грузинским интеллигентам, создавшим свой национальный театр. Не меньше унижений пережил театр Грузии и в период меньшевистской контрреволюции (1918—1920 гг.).

Организаторы меньшевистского «сра» меньше всего уделали внимания вопросам культуры, и в ответ на просьбу о содействии заместителю министра просвещения Цицеладзе чиновники заявили представителям национального театра: «Всем грузинскому театру предпочтительнее один балетный номер».

Только в советской Грузии, в условиях постоянной заботы со стороны партии и правительства, и в частности, руководителя академических объединений Л. Берия, грузинский театр, как и вся грузинская национальная культура достигли небывалого расцвета.

Теперь в советской Грузии 46 театров. Одно из ведущих мест среди них по праву занимает театр им. Руставели, приезд которого с нетерпением ждет московская театральная общественность. Театр этот популярен не только в СССР, но и далеко за его пределами. Об этом свидетельствуют факты, сообщенные 7 августа на специальном заседании Всеююзного комитета по делам искусств: когда заграничные делегации организации в сентябре текущего года 4-го театрального фестиваля в Москве, и в частности, руководители академических объединений Л. Берия, грузинский театр, как и вся грузинская национальная культура достигли небывалого расцвета.

Теперь в советской Грузии 46 театров. Одно из ведущих мест среди них по праву занимает театр им. Руставели, приезд которого с нетерпением ждет московская театральная общественность. Театр этот популярен не только в СССР, но и далеко за его пределами. Об этом свидетельствуют факты, сообщенные 7 августа на специальном заседании Всеююзного комитета по делам искусств: когда заграничные делегации организации в сентябре текущего года 4-го театрального фестиваля в Москве, и в частности, руководители академических объединений Л. Берия, грузинский театр, как и вся грузинская национальная культура достигли небывалого расцвета.

К сожалению, технические условия не позволяют театру им. Руставели показать в Москве больше трех постановок. Из старых постановок будет показан «Анзор» (по пьесе В. Иванова «Бронепоезд»). Из четырех спектаклей, осуществленных театром им. Руставели за последние девять месяцев со дня смены прежнего руководства, москвичи увидят только два спектакля — «Осенние дворяне» Кладшавили (режиссер — Патаридзе,

музыка — Туския, художник — Тавадзе) и «Арсен» Салдро Шанишвили (постановка народного артиста Васадзе, художник — Гамрекели, музыка Туския).

«Осенние дворяне» — это сатира на мелкопоместное грузинское дворянство, упадок и вырождение которого показаны в пьесе с большой художественной силой. Постановку пьесы в плане музыкальной комедии, театр им. Руставели сделал серьезный шаг в освоении сложного и нового для грузинского театра жанра. В этом плане — монументального, героического спектакля — разрешен «Арсен». По единодушным отзывам критики, в этом спектакле с большой выпуклостью воскрепшена эпоха, в которую жил великий революционный крестьянский вождь Арсен, ставший влюбленным в женщину, которую не любил народный вождь. В этой постановке театр им. Руставели решительно рвет с «осветленной» традицией, наследовавшейся старым руководством, отказывается от оперной красоты в построении массовых сцен, стремится к максимальной индивидуализации каждого действующего лица, к предельной реалистической простоте и насыщенности.

Театр им. Руставели совместно со своей студией организует в Москве большой вечер грузинского искусства. Впервые увидят москвичи ансамбль чопуристов в 30 человек, которые исполнят большое количество народных песен, танцев и старинных музыкальных инструментов. Предемонстрированы будут замечательный вокальный ансамбль хором, хоромы песни, отрывки из произведений классической и современной литературы Грузии и т. д. Предполагается также организовать большой радиовечер, посвященный грузинскому искусству.

К четвертому фестивалю в Москве будет издана на русском и английском языках специальная монография Т. Дугучая — о творческом пути театра им. Руставели.

Гастроли Театра им. Руставели в Москве начнутся 20 августа.

Я. РОШИН

ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО

Продолжая начатую в предыдущем номере публикацию писем А. М. Горького, сегодня мы печатаем весьма интересный материал — два характернейших письма Горького — его борьбу за здоровое реалистическое искусство, за литературу высшего мастерства. Указав, которые дал Алексей Максимович начинающему литератору еще задолго до революции, не потерял своей ценности и в наши дни. Советские писатели найдут в себе в этих письмах немало полезного. Без глубокого изучения высказываний Горького немаловажно успешная борьба за соци-

алистический реализм в литературе. Письмо к члену кружка писателей им. Сурикова П. Травину изложено нами на журнале «Народный учитель» (№ 1 за 1928 г.). Оно не имеет даты, но, по-видимому, относится к 1911—12 гг. Письмо к армянскому критику, поэту и беллетристу Тиграну Ахумяну перепечатывается из гофшестерной газеты «Заря Востока» (10 апреля 1928 г.). Письмо к Максимову — из постоевого журнала «На подеме» (ноябрь 1932 г.).

Г. СМОЛЯНИНОВ
Научный сотрудник Института им. А. М. Горького

П. А. ТРАВИНУ

Написав, что задержал вашу рукопись, но ранее не мог прочитать, не было времени. Ваши стихи нравятся мне больше, чем проза — прозой вы владеете не так свободно, как стихом, да и сюжеты в прозе у вас менее значительны. А стихи тем, главное, хороши, что видно, кто их пишет и почему пишет. Хотя, должен сказать, что в стихах у вас много невольностей, неверных ударений, белых, т. е. невучных, рифм и неточностей в выражении мысли. Если бы я знал вас раньше, я бы посоветовал вам не издавать стихов; теперь, наверное, вы моего совета не послушаете. А посоветовал бы я вам это потому, что вы можете писать лучше, чем теперь пишете, и я думаю, что современное все, что вы издали и написали, очень вам не понравится. Вы должны будете понять, что все, написанное вами, гораздо раньше и лучше вас написано другими и что в творческих ваших стихах нет ни красоты, ни оригинальности, ни силы. Я уверен, что вам станет ясно и то, что жаловаться на жизнь людям — бесполезно, а гораздо полезнее осуждать людей за пороки жизни, за их черствое и грубое отношение друг к другу, за то, что они так любят сидеть на ближнего своего. Все это будет ясно для вас, если вы займетесь самобразованием и будете больше читать образных писателей.

Вы не один и не первый самозауча-писатель, это надо помнить для того, чтобы постараться выплюнуть себя из ряда других, для того, чтобы научиться слышать и видеть изобразительную жизнь и мысль рабочего люда. Не останавливайтесь все ваше внимание только на себе самом и не опускаться только вашу жизнь и ваши мысли, — помните, что сотни тысяч людей живут в положении подобно вашему и даже много более тяжелом. Старайтесь находить общие вещи рабочим мысли, чувства и стремления и вот их излагайте кратко, сильно и просто.

И не жалуйтесь на тяжесть жизни — жалуйтесь беснующие, а люди, уважающие себя, должны требовать признания за ними человеческого права на свободный труд и свободную жизнь. Творить, а не просить, не жаловаться, не стонать, ибо это дело людей, которые не должны ни требовать, а милостиво просить. Человек должен уважать себя, должен гордо говорить всем и каждому: я такой же, как и ты, и во всем равен тебе, я имею право жить так же хорошо, такой же полной жизнью, как ты.

Повторяю: вы рано начали печатать свои произведения, и это очень плохо для вас. Первая ваша книжка, лучше второй, а это признаю, то, что со второй вы поторопились еще более, чем с первой.

Ну, все же желаю вам всего хорошего! Будьте автором и относитесь к себе строго.

Ваш А. М. ГОРЬКИЙ

П. Х. МАКСИМОВУ

Вот именно теперь, когда вы переживаете, как это чувствуется по вашему письму, дни критического отношения к себе самому и когда ваша прежняя самонадеянность рассеяна ударами неудач, теперь-то вы и должны вытеснить себя серьезно. Вы были слепым попом, которое не могло хорошо разогреть, потому что в нем много влаги, теперь это вытисните из вас, и вы попробуете-ка поработать! Вы не грамотный, это неверно, это чепуха: вы просто очень молодой и слепом попом, очень остро относился к жизни и литературе. Архаизация был руб с вами — это нужно забыть. Я уверен, что вы человек одаренный, но вам необходимо найти в себе силу для работы над собой. Я советовал бы вам сейчас же вытеснить из себя самую простую тему, «Будничные дни», — напишите свои будни — как вы проснулись, куда ходили, как вы видели, как тогда спали и какую связь имеет все это — мелкое, смешное и грустное — все! — к жизни мира, о которой вы мечтаете, к тому что вы хотите.

Писать, тамтутя, что простое — самое трудное и мудрое. Попробуйте!

Я считал написанным отвечать на ваши письма, будучи уверен, что мои ответы ничего не дадут вам в том размышлении настроения, которое одолело вас. Но я был уверен, что это настроение вы переживете не без пользы для вас. Кажется, так и случилось. Если я не ошибаюсь, я рад.

Относитесь к себе бережливее. Экспансивность хороша, сдержанность тоже имеет свою цену. Будьте здоровы, желаю всего доброго!

А. ПЕШКОВ

Сентябрь 1916 г.

ТИГРАНУ АХУМЯНУ

Разумеется, вам нужно писать и много, по столь же необходимо для вас, чтобы вы не только писали, но и жили, пользоваться непосредственно ее внутренними, образными, картинными, ее трепетом, полнотой, кровью. Не сосредоточивайтесь на себе, но сосредоточьте весь мир в себе. В жизни много зла, но есть и мед — найдите его. Не будьте толпой лириком, — не записывайте душу свою в клетку, вами же построенную, — смеяться бы и юмористом, и эником, и сатириком, и просто веселым человеком. Надо все брать и все отдавать жизни, людям.

Большинство современных поэтов живет точно на необитаемых островах, все жизни, все ее хаоса. Это, конечно, более легко и удобно, чем жить в хаосе действительности, но это значит — отбросить себя. Надо быть Робинзоном, но надо! Надо жить, кричать, смеяться, ругаться, любить. Надо искать то, что еще не найдено: новое слово, рифму, образ, картинку. Поэт — это автор, а не только няня своей души.

Вот так. Желаю всего доброго.

А. ПЕШКОВ

25.X.1916 г.

Александр Блок

А. Н. ВОЛКОВ

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Творчество Александра Блока протекало в эпоху больших социальных катаклизмов и катастроф, завершившихся на глазах поэта крушением старого мира. Блок пережил — и не только пережил, но и глубоко почувствовал! — три русских революции и мировую империалистическую войну — события, глубоко преобразившие образ «жени», «несветы» России, всегда воспринимавшей поэт-лириком. Это с особой силой сказало на творчестве Блока, умевшего по-своему улавливать музыку истории, ощущать пульс русской революции. В этом существенное отличие Блока от многочисленных его соратников по символизму, внутри которого он начал свой творческий путь.

Художественное наследие Блока не укладывается в рамки символизма, не только в силу его сложности — сложность является качеством всякого крупного таланта, — но и потому, что несмотря на теоретическую приверженность к символизму, Блок в художественной практике выступил о реалистический художественный методологией.

Сила и надежда

РЕЧЬ ЖАНА КАССУ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В МАДРИДЕ, НА СОБРАНИИ НАРОДНОГО ФРОНТА, 22 МАЯ 1936 г.

—Товарищи испанцы, братья испанцы! Пять лет назад, в апреле 1931 г., я был в Мадриде и являлся свидетелем радостных дней, когда зародилось движение, которое продолжало развиваться и будет развиваться и ширеть. Тогда в толпе, обвитой волнением и восторгом, я встретил одного своего друга испанца; он обнял меня со словами: «Теперь и у меня есть родина». А я, товарищи, несмотря на принадлежность к двум странам, в обеих чувствовал себя чужеземцем. Родился я в Испании, жил во Франции и писал во французском, но родины у меня не было. Я чувствовал себя одиноким и во Франции и в Испании, я жил мечтой о двух культурах и значил слишком много мечтал и слишком мало жил. Но как иначе мог бы я ощущать братскую любовь, чувство солидарности, связь с коллективом, веру в общее дело? Сейчас, товарищи, когда в Испании и во Франции торжествует народный фронт, — да, сейчас я с гордостью могу сказать, что у меня две родины, я их владею и наследник. Так пусть же изменится мир, друзья, чтоб всякий живущий на нашей планете почувствовал бы право объявить себя гражданином всех народов мира!

Товарищи, в те времена мы — писатели, интеллигенты, художники, как испанцы, так и французы, — мы жили, уйдя в мечту и в наши обособленные жизни. Конечно, мы знали, что живем в неправедно построенном обществе, и что в мире следовательно что-то изменить. Мы знали, что человек живет неполноценно, в отрыве от реальности и вне контакта с внешним миром. Мы не видели ничего, лишь только культуры, то есть мечтами наших предшественников, которые изучали и подвергали критике современное общество, человеческую жизнь, недостаточно человечную, которые стремились создать образ человека более совершенного, более гармоничного, более человеческого. Среди этих предшественников был один французский поэт, великий поэт, самый блестящий, самый талантливый из всех существовавших поэтов. Его звали Артур Рембо. Своим непереносимым творчеством он отвергал мир, которого не мог принять. Он говорил: «Подлинная жизнь отсутствует. Мы вне мира». А в другом месте он говорит о тайнах, которыми мы могли бы владеть, чтоб изменить жизнь.

Товарищи, мы знали, что жизнь следовательно изменить. Но мы не знали, как это сделать. И мы думали, что неправедно построено не только общество, но и само человечество, сама жизнь и не во всех проявлениях, но в форме, в самой своей сущности. Вот почему мы были pessimистами и отчаянными.

И тогда мы открыли одну реальную вещь. Силу, действительно способную изменить жизнь, изменить не фашистскими приемами алхимии, в котором прибегал Рембо. Эта сила называется пролетариатом. Являясь в нас грузинским и страдающим, и в их единении была сила. Сила и надежда. Тогда мы поняли, что для того, чтобы изменить жизнь, надо изменить условия жизни. Мы поняли, что это вполне возможно. Нечего отчаиваться. Жизнь можно изменить. Можно произвести революцию.

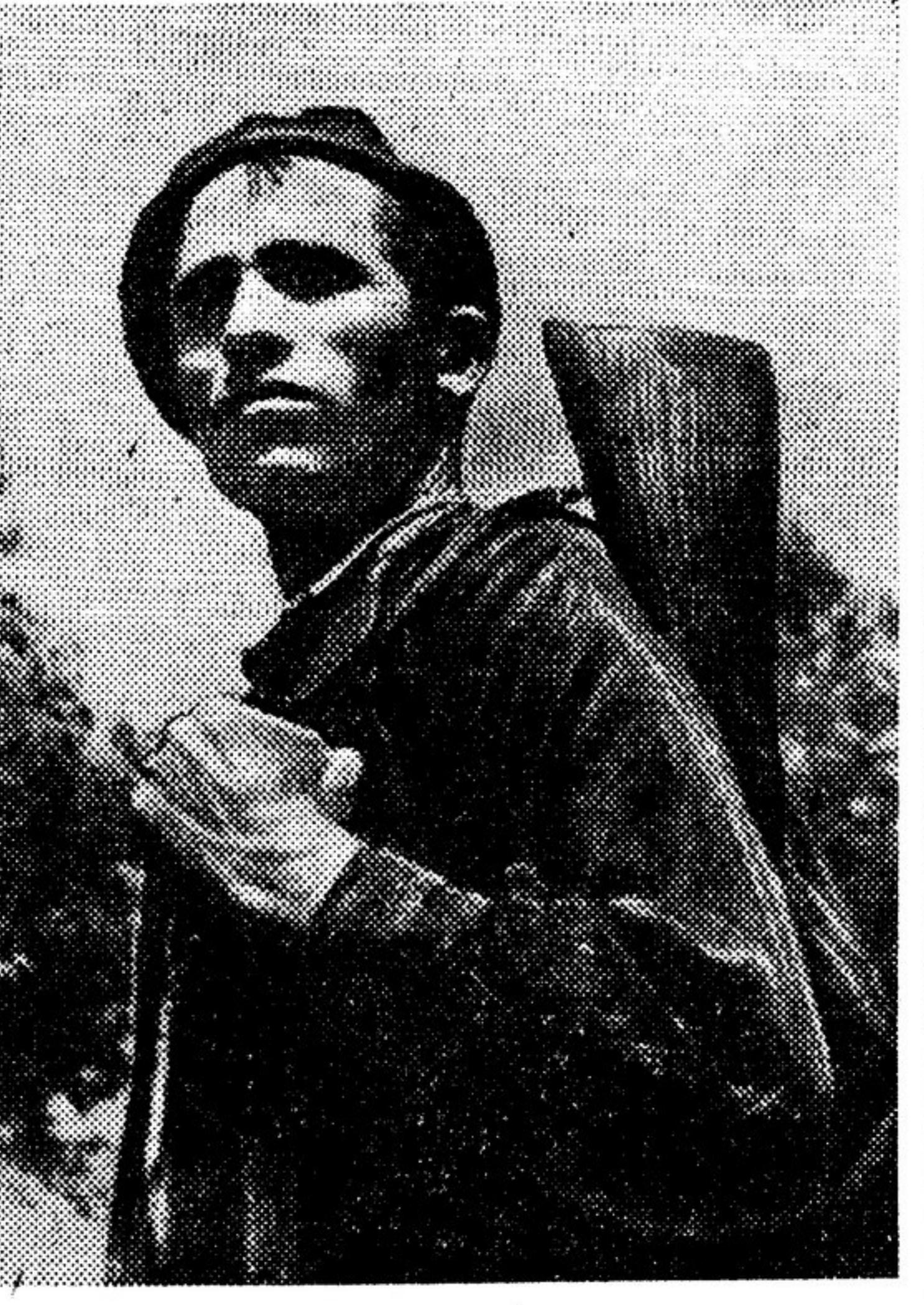
И тогда все эти одинокие и отчаявшиеся мечтатели — писатели, интеллигенты, художники, алхимики поняли, что культура, та культура, которую они собирались защищать и углублять, вовсе не отвлеченная вещь, сохраняющаяся в библиотеках и музеях, но живая организм, привлек человеческий прогресс, привлек революции. И тогда мы поняли,

Шахтеру Хосе Бенито было восемнадцать лет, когда он ушел в горы...

Шахтеру Хосе Бенито было восемнадцать лет, когда он ушел в горы скрываться. Его взяли в плен. Солдаты привязали его к фурунку. Они поставили фурунку на дороге, как прикрытие. Хосе Бенито повел: нуля товарищей его миновала. Его приговорили к расстрелу, потом казнь заменили пожизненным заключением. Он сидел в тюрьме в Пампелоне. Двое из его товарищей умерли от голода и от побоев. Он выжил. Он смеется, шутит: «Теперь-то я не сдамся живьем». Старый шахтер, смеясь, говорит: «Теперь их черед сдаваться».

И ЭНРИБЕРТУ.

Крестьяне Сенильентоса и Номбеты организовали свою милицию. Они зовут ее «Красной армией».

Крестьяне Сенильентоса и Номбеты организовали свою милицию. Они зовут ее «Красной армией». У этой «Красной армии» несколько охотничьих ружей. Помешки следили за арендой кулакам. Помешки убегали, сражались за них кулаки. В Номбете 90 кулаков — все вооружены. В Альморальте кулаки с криками «Да здравствует Христос!» напали на крестьянский совет. Они покатились несколько человек. У них нашли 200 ружей, 350 револьверов, 60 винтовок военного образца.

И ЭНРИБЕРТУ.

ЛИТЕРАТУРА СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ В СССР

Каждая правдивая книга об Испании представляет сейчас для советского читателя особый интерес. К сожалению, мы не очень изоблажены книгами испанских писателей, знакомыми нам с жизнью их родины. Гослитиздат в 1932 году выпустил всего 10 книг испанских писателей: «Вольфрам» Сесар Вальеда, «Крестьяне» Хоакин Ардеруды, «Донья Перфекта» Бенито Перес Гальдо, «Бедняки против богачей» Сесар Арконса, «Испанские крестьяне» — стихи Рафаэля Альберти, «Арена Иберийского цирка» Валье Инклана и три книги Рамон Х. Сендера:

«Мгнущий», «Семь красных воскресений» и «Общественный порядок». Сейчас Гослитиздат готовит к печати новую книгу Сендера — «Мистер Уитт» и недавно вышедшую в Валерийском издательстве «Вердаль» повесть испанского революционного писателя Вальеда «Астурия». «Астурия» — это рассказ о периоде во время отатарского восстания горняков в Испании. «В моей книге», — пишет А. Вальеда, — нет ничего выдуманного. Каждое слово, каждый шаг исторически оправданы и находят себе подтверждение в газетной эпохе астурийского восстания. Герой книги — рабоче-крестьянская власть в Астурии, сюжет — 15 дней борьбы за власть.

Книга эта воскрешает десятки и сотни образов героев, сражавшихся за дело революции. Ведущий персонаж повести — коммунист Риос. Вальеда предначертывает свою книгу для массового читателя народного фронта, для всех друзей революционной Испании, он посвящает ее товарищам, убитым в боях, раненым и заключенным в тюрьмы и еще товарищам из СССР, давным марксистско-пролетарским замечательный пример бодрости, энергии в борьбе за свободу.

ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Перед тем как покинуть пределы Грузии, Андра Жид долго беседовал в Сухуме с современными ему грузинскими советскими писателями — Тинатином Табадзе, К. Торкианидзе и Д. Деметрадзе. Разговор касался названия избранных произведений грузинских писателей на французском языке.

«Все то, что я слышал в Москве о грузинской поэзии и с чем я успел познакомиться во время моего пребывания в Грузии, приводит меня к мысли о необходимости поставить хорошо дело названия грузинских писателей в Париже. Об этом я буду говорить с своими друзьями и с издателями».

Союз советских писателей Грузии обещал Андре Жиду оставить список произведений грузинской классической и современной литературы, которые было бы желательно перевести на французский язык.

Для французского названия грузинских авторов Андра Жид выискивает предисловие и сам переводит несколько стихотворений и прозаических произведений.

Андре Жид очень заинтересовало сообщение грузинских писателей о французском прозаическом переводе бессмертной поэмы Руставели — «Носатий тигровую шкуру», сделанном в свое время покойным академиком М. Броссе и обнаруженным недавно в его архиве. Французский писатель просил своих грузинских соратников перевести ему копию, по-е- даря которым произведение классиков продолжат волновать, воспитывать, приносить эстетическое наслаждение и в наши дни.

Если образ Наташи Ростовской есть только выражение феодально-поместных взглядов на женщину, то какое же значение может иметь она для нас, кроме очень узко-познавательного. Если прочесть «Войну и мир», мы узнаем только, как дворяне смотрели на женщину, на брак, на войну, на дуэль и т. д. и т. п., но не слишком ли мало этого? Разве великое художественное произведение есть только выражение классовых взглядов, а не отражение объективной действительности сквозь призму классовых взглядов? Разве классовые взгляды — стелена, а не зерно? В классовом обществе не может быть художника, свободного от классовых интересов, внеклассового, надклассового. Но классовые интересы не грехоположение, не безнравственность, а реальность, факт. В исторических и классовых границах происходит познание объективного мира. Вот это нужно уметь видеть, а не трепетно видеть великанов прошлого за то, что они не имели социалистических взглядов на женщину.

«Прогнозирование в взглядах Толстого», — писал Ленин, — надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она не является самоцелью), а с точки зрения того проекта, против которого велась капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». В этих словах Ленина из статьи «Лев Толстой как зеркало русской революции» содержится важнейшее методологическое указание. Развивая его, Ленин писал: «Толстой смеюся, как пророк, открывший новые решения спасения человечества, — и поэтому совсем мизерные заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые стояли в миллионы русского крестьянства во времена наступления буржуазной революции в России».

НАШ ТОВАРИЩ РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

В 1925 году на национальном литературном конкурсе в Испании первую премию за книгу «Морки на земле» получил молодой поэт Рафаэль Альберти.

О большом высоком таланте из Пуэрто де Санта Мариа восторженно говорили в Испании в редакциях литературных журналов. Большой, своеобразный талант Альберти позволял видеть в нем достойного преемника великих замечательных испанских поэтов — Антонио Магадо и Хуана Рамона Хименеса.

Его стихи о «Неведомом ангеле», пропитанные лирической грустью, являются собой образец «чистейшего искусства». Рафаэль Альберти? Да, это подлинный поэт тончайших чувств и высокого мастерства, — говорили о нем патентованные эстеты и знатоки «настоящего искусства».

И вдруг произошла «катастрофа». Альберти покинул душную башню «чистого искусства» и мощным голосом заговорил о судьбе астреаматских бедняков. Да, Альберти спустился на землю, и отныне его вдохновляли люди, живущие под темным небом Испании, судьба которых горька, как полынь, и трудна, как путь через вершины Сьера Гвадаррама.

Внутренний перелом поэта завершился освобождением взрывом, и лирический певец вырвался в подлинно народный поэт, воспевавший не только скорбь, но и гнев трудящихся.

В отличие от многих «жалостливых» писателей и поэтов, со слезами в глазах, но бездейственно распристрастившихся о несправедливости судьбы бедняков, Рафаэль Альберти в своих стихах мужественно предлагал выход из нищесного, беспросветного и страшного сегояна.

Этот выход — революционная борьба. В своем стихотворении «Призрак бродит по Европе» он пишет: «Садись с нами ты за стол, где Крестьянин голодает... Мы тебя Введем к владыке фабрики. На стачках, На выступлениях уличных ты наш Могучий председатель... Ты с орденом И с моряком прилежно говоришь. В парламенте, где золото и кровь, Грозись рукой врагам оторопедим. Да, точно: Призрак бродит по Европе».

По миру бродит Призрак, и его Великим мы товарищем зовем. Стихотворение это Альберти написал после своего пребывания в Советском Союзе (декабрь 1932 г. — февраль 1933 г.). Месяца, проведенного в Советской стране, еще более укрепили новые позиции Рафаэля Альберти.

Он бродил по Москве, в тихие полные часы стоял на Красной площади перед зубчатой Кремлевской стеной, перед памятником Ленину, мимо которого утром проходили сотни тысяч стачечных, радостных людей, и думал о своей стране, где радость задыхалась, и где астреаматский крестьянин и астреаматский торник одинаково не знают, что такое настоящая жизнь.

В одном из своих высказываний Альберти писал: «...мое пребывание в Москве дало мне возможность утвердиться в моих мыслях. Никто не может оставаться равнодушным перед гигантскими усилиями трудящихся масс СССР. После моего возвращения в Испанию все, что я пишу, служит интересам трудящихся».

Рафаэль Альберти сказал правду. Реальный буржуазный газет и литературных журналов в остервененном злохлонути перед ним свои двери.

«Отверженный» поэт вместе со своим другом и женой Марией Жеромон Леон, вместе с товарищами Рамон

ПИСЬМО В ДВА АДРЕСА

Ф. ЛЕВИН

1. О СУЩЕСТВЕ СПОРОВ

В огромном ворохе читат из писаний И. Нусинова и М. Лифшица, дышащих полемикой, мы читаем друг другу на страницах «Литературной газеты» и «Литературного Ленинграда», в усердном напряжении все новых и новых ошибок грозит затеряться существо спора, его рациональное зерно, которое только важно для развития марксистского литературоведения и интересно читателю.

Зерно это заключается в том вопросе, который ребром поставлен в известном введении К. Маркса к его работе «К критике политической экономии».

«Однако трудность заключается не в том, — писал Маркс, — чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны известными формами общественного развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и несомненно образа».

Вот вопрос, который призваны разрешить наши литературоведы и критики, вопрос, который с особой важностью встал именно теперь, в эпоху социализма.

что до сих пор еще нет вузовских учебников по истории. Например, русской литературы XVIII, XIX, XX веков, по современной советской литературе. Балансировать в наркомпросовские программы по литературе, — что рекомендуют читать студенту? Статью, затерянную в каком-либо из журналов за прошлые годы, предисловие к одному из изданий классиков, — это в лучшем случае, а очень часто рекомендуют прочесть заметку из «Литературной энциклопедии» на соответствующее слово. Если же «Литературная энциклопедия» была свободна от недостатков и ошибок (а их у нее хоть пруд пруди, в том числе и политическая), и тогда обращение к ней есть только первая помощь. А она зачастую призвана заменить учебник.

Сам по себе этот факт требует самого пристального внимания. Надо немедленно создать коллектив авторов, объединить лучшие силы и содействовать развитию литературы прошлых веков. XX века, курс истории советской литературы.

Ближайшее отношение к созданию этого курса имеет проблема, поставленная Марксом. Она должна быть решена и разрешена на конкретном материале истории литературы; ответ на вопрос, поставленный Марксом, должен быть содержанием этого курса, сама эта постановка проблемы должна стать руководящей методологической нитью.

В самом деле, разве это указание Маркса относится только к грекам или к Шекспиру, а не ко всему искусству прошлого?

гарном социализмом, заключается прежде всего в том, что его представляется совершенно игнорировали именно этот марксов вопрос. Все свое внимание они направляли на то, чтобы выносить связь того или иного произведения искусства с определенными формами общественного развития, с определенным классом, с определенной классовой группой. Но и эту, более легкую, часть задачи вульгарные социологи выполняли плохо и неверно, ибо само понимание классовой борьбы, истории, выражения классовой идеологии в искусстве было и остается у них мелкокапиталистическим, вульгарным, говоря политически, мелкобуржуазным.

Наиболее ярким выражением этой теории являлся переворачивание, изобретательная классы друг от друга, отводящая художнику только роль порою своей классовой группы, отрицательная возможность познания и изображения художником других классов, а отсюда и возможность влияния и воздействия на другие классы.

Разгром переворачивания еще не был, однако, разгромом всего вульгарного социализма, всех его форм и оттенков, очень живучих и до сих пор очень широко распространенных в нашем литературоведении, в школах и вузах.

Вот перело мной учебник по русской литературе, принадлежащий коллективу авторов: Крикуну, Крестьянову, Мамонтову, Федотову и Цветаеву, агитируя его «Русская литература». Рабочая книга для подготовки в вуз. 3-е издание. Издательство «Вузовский просвещение». Москва, 1930 год. Он является собой яркий образец вульгарной социологии.

30-х годов XX века в Советском Союзе. Очень легко показать, что взгляды Пункина не выдерживают критики с точки зрения современного социализма (и такая критическая оценка необходима, но недостаточна), но ведь надо понять, почему

Его стихов пленительная сладость. Пройдет веков завесилую даль.

Литературное, художественное значение и величие классиков совсем ускользает из поля зрения вульгарных социологов. Заняты усердной «проработкой» классиков, они совершенно закрывают путь к их эстетической оценке. В учебнике по литературе не оказывается литературы. А между тем образ Наташи Ростовской не только выражает взгляд Толстого на женщину, и мы не только знакомимся с тем, как жила и воспринимала дворянская девушка начала XIX века. Если значение литературы было только в этом, то чем бы она отличалась от научной книжки! Помимо познавательного значения образ Наташи Ростовской имеет еще «ничто», и это «ничто» заставит молодую советскую работницу, колхозницу волноваться, переживать, читать «Войну и мир» с удивлением, восхищением, восторгом. Переживая Наташу, ее любовь к Андрею Болконскому, к Пьеру Безухову, ее талант в охоте и выслеживании после шумливой картины охоты, сцена у матери в спальне — все это огромное реалистическое искусство.

Из учебников вульгарно-социологических теоретиков вузовцев не узнается, почему произведения Толстого, Пункина, Гоголя доставляют эстетическое наслаждение, в чем их прелесть. Учебники по литературе и критические статьи не воспитывают эстетическую нашу молодость. А такое воспитание необходимо, потому что эстетический вкус вырабатывается, создается не сразу и не одним только чтением самой художественной литературы. Вспомним, что Белинский, Добролюбов, Чернышевский не только раскрывали идейный и общественный смысл литературы, но и учили любить литературу. Наши учебники и статьи этого не делают. Богатство и величие классиков исчезают за голыми социологическими определениями. Прав М. Лифшиц, когда говорит, что вульгарные социологи вынуждены здесь «содержаться» у формалистов и борются общие места насчет «мастерства» классиков.

То же самое слышь и рядом имело место в отношении современных советских писателей. Возьмем старую рупорскую критику, возьмем наркомпросовские программы по со-

Несправедливо забытый писатель

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ

СМЕРТИ И. А. КУШЕВСКОГО)

Геллос Гомес (Испания). «Осужденные за божье-коммуналы».

КНИГИ-УРОДЫ

Я увлечен, эволюцион. Я тороплюсь узнать, что послесловало за минутой, когда многострадальная мать из романа Перл Бак обнаруживает труд своей дочери. Перевернувшись страницю, пробежав ее глазами, но ничего не могу понять; какая связь между этой абстрактной, туманной, свертывающей талант Кушевского не отпущен до наших дней. Современный советский читатель протестует роман «Николай Негорев» или Бартоломея неосознанно ей сарказмом обрушивается на историков Бардина и Буачели, опознанных пометкой Барташевича вульгарно-социологическими комментариями? Неужто, думаю, Перл Бак выжестает сейчас в полемике с Л. Гуиневом, и с Л. Гуиневым, и с Левинским? Нет, этого не случилось, но таинственные акценты Чарпрама, теория тутуцизма, замазла, лобот Бакарала и т. п., не сходит со страниц романа. Что все это значит?

А это значит вот что: Какой-то шутник из XI типографии и школы ФЭУ Моссопобитграфией решил обеливить под одной крышей Перл Бак и Шавлю Сосаниа. Получившись, будет в самом деле этой американки, если она потеснится на своей площадке и из 315 страниц шедевра — всего только шестидесяти — уступит советскому писателю Ш. Сосаниа. Неужели, что пить сжигает, образуется, что дальше образуется пустота, которую читатель должен заполнить силой своего воображения. Он, по крайней мере, устал, что в том же Гослитиздате вышла или выхлещет повесть Сосаниа «Новый сад». Пусть не поленился и

купить. Может быть, в первом же экземпляре «Нового сада» он найдет и недостающие шестидесяти страниц из «Матери» Перл Бак.

Вообще говоря, изобретательные люди работают над выпуском послитиздатской продукции. Трудно предугадать какой раз, какой сворится труд купленной книги. У автора этой строк накопилось своеобразная энциклопедия «монстров»: есть книга Хемингуэя, где некоторые новеллы повторяются дважды за счет других, указанных в содержании; есть книга Томаса Манна, где десятки страниц поданы «сверх ногами»; есть роман Драгера, где конец перемещается в начало, а начало в конец; есть также том стихов Верхарна, где в самый центр вклинились страницы, сверкающие близкой, свободной от всяких печатных знаков (должно быть, для пометки читателя).

Но кому-то симбиоз я встречаю впервые. Значит, не сдудет изобретательная мысль в недрах Гослитиздата? Ну, что же, многообещающее начало. Хотелось бы только, чтобы ачинатели этого дела прельстились бы больше критическому чутью и социальным писателем не провозгласили, как в данном случае, а исход из общности их творческих принципов. Например: Беранже и Долматовского, Анатоля Франса и Борхостова, Вердена и Жарова и т. д.

Есть же в Гослитиздате литературные консультанты. Они и помогут в затруднительных случаях своим советом.

ДЕЛМАН

Умный и наблюдательный, скептически настроенный, сдобный жаржет ведет дневник. Он зарисовывает окружающих его людей, дает им меткие и алые характеристики, срывает с них благонамеренные маски и делает это так остро и умно, что не знаешь, чему поражаешься — беспринципности этого человека или таланту автора романа, сумевшего на разе не сорваться с тона автобиографических записок своего героя.

Такое содержание романа «Николай Негорев, или благополучный россиянин», появившегося в 1970 г. на страницах лучшего «столетого» журнала того времени — «Отечественных записок».

Фамилия автора романа — И. Кушевский — не говорила ничего современному широкому читателю. Да и сам роман попал в редакцию «Отечественных записок» не совсем обычным путем.

Автор лежал в больнице. Это был молодой, никому не известный человек без определенных занятий. Он был чернорабочим на патронном и чугунопольном заводах, таскал кирпич на несвоей пристани, однажды он уступил, упал в воду, простудился и попал в больницу. Здесь при свете свечей, которые молодой писатель приобретал на деньги, вырученные от продажи обеленных порций, он написал свой роман и рисковал послать его в редакцию «Отечественных записок».

Некрасов, бывший тогда одним из редакторов «Отечественных записок», внимательно отнесся к начинающему автору, посетил его в больнице, помог в материальном отношении и начал роман. В следующем, в 1871 г., роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин» вышел отдельным изданием.

Некрасов не ошибся. О романе молодого автора заговорили и читатели и критика. На фоне литературной жизни начала 70-х годов это было свежее и яркое событие. Острый сарказм, которым пропитан роман, был не в восторге, а в глаза толгашую и безарбульную интеллигенцию.

Главный герой романа, «благополучный россиянин» Николай Негорев, представлял собой тип буржуазного интеллигента, который ради карьеры безжалостно рвет с либеральными увлечениями молодости и превращается в лживого человека. Именно яркой обрисовкой этого нового типа той эпохи тип Кушевский угодил современному критику и читателю. Во времена Кушевского бурно протекал процесс классового расслоения более или менее единой до тех пор интеллигенции. Одна часть интеллигенции, разочаровавшись в «великих» реформах, шла на службу новой буржуазии; другая, более демократическая и более тесно связанная с массами, уходила в «народ», зачиная новое, народническое движение.

В романе яркими красками описано либеральное «золото» — восторженные юнцы и девицы, либералы которых не простирается дальше словесных сотрясаний воздуха. Высокомерный и подловатенький «либерал» из баронов, Володя Шрам, пытается организовать «тайное» общество путемассовского типа с весьма туманными целями. Батая эта, как и следовало ожидать, кончается

полднейским разгромом. Таким образом острый сатиры Кушевского было направлено одновременно как против буржуазных приспосабливцев, так и — если не в большей степени — против того поверхностного и трусоватого буржуазного либерализма, о котором И. В. Шелгунов говаривал в свое время: «сегодня он революционер, а завтра — сифофант».

Помимо глубокого социального значения роман Кушевского отличался и большими художественными достоинствами. «Автор проявил меткую наблюдательность в обрисовке различных типов либеральной и демократической интеллигенции. Острый и беспощадный сарказм перемежался в романе с веселым, добродушным юмором при обрисовке положительных героев. За этот юмор современная критика прозвала Кушевского «русским Диккенсом».

Острая тема, необычный подход к ней, большое мастерство рассказа, яркая и выразительная язык — все это обеспечило, казалось бы, роману Кушевского неувядающую славу в истории русской литературы. Но случилось — иначе.

Когда Кушевский перешел от «большого золотого» к писанию маленьких рассказов, читатели и критики отвернулись от него. А между тем в своих «Маленьких рассказах» (СПБ, 1975 г.) и в «Неизданных рассказах», вышедших уже после смерти писателя (в 1882 г.), Кушевский продолжает линию разоблачения дворянско-буржуазного либерализма (рассказы «Земский деятель», «Сельский лустини», «Два инглиста» и др.). По степени талантливости, меткости характеристик и остроте сарказма эти рассказы мало чем уступают роману «Николай Негорев».

Во время было уже не то. Началась эпоха «хождения в народ», время восторженных, хотя и кратковременных иллюзий, и хладнокровных сарказмов автора «Николай Негорев» оказался не у места. Кушевский списал и погреб очень рано — 29 лет от роду. Он умер 13 августа 1876 г.

Кушевского забыли прочно и надолго. Маститые историки литературы считают возможным отводить автору «Николай Негорев» с своих обеливках только всего лишь две-три строчки. Приговору «Дела» и «Отечественных записок» таявот над ним до сих пор.

Об этом стоит помянуть. Яркий, сверкающий талант Кушевского не отпущен до наших дней. Современный советский читатель протестует роман «Николай Негорев» или Бартоломея неосознанно ей сарказмом обрушивается на историков Бардина и Буачели, опознанных пометкой Барташевича вульгарно-социологическими комментариями? Неужто, думаю, Перл Бак выжестает сейчас в полемике с Л. Гуиневом, и с Л. Гуиневым, и с Левинским? Нет, этого не случилось, но таинственные акценты Чарпрама, теория тутуцизма, замазла, лобот Бакарала и т. п., не сходит со страниц романа. Что все это значит?

А это значит вот что: Какой-то шутник из XI типографии и школы ФЭУ Моссопобитграфией решил обеливить под одной крышей Перл Бак и Шавлю Сосаниа. Получившись, будет в самом деле этой американки, если она потеснится на своей площадке и из 315 страниц шедевра — всего только шестидесяти — уступит советскому писателю Ш. Сосаниа. Неужели, что пить сжигает, образуется, что дальше образуется пустота, которую читатель должен заполнить силой своего воображения. Он, по крайней мере, устал, что в том же Гослитиздате вышла или выхлещет повесть Сосаниа «Новый сад». Пусть не поленился и

послать его в редакцию «Отечественных записок».

Некрасов, бывший тогда одним из редакторов «Отечественных записок», внимательно отнесся к начинающему автору, посетил его в больнице, помог в материальном отношении и начал роман. В следующем, в 1871 г., роман «Николай Негорев, или благополучный россиянин» вышел отдельным изданием.

Некрасов не ошибся. О романе молодого автора заговорили и читатели и критика. На фоне литературной жизни начала 70-х годов это было свежее и яркое событие. Острый сарказм, которым пропитан роман, был не в восторге, а в глаза толгашую и безарбульную интеллигенцию.

Главный герой романа, «благополучный россиянин» Николай Негорев, представлял собой тип буржуазного интеллигента, который ради карьеры безжалостно рвет с либеральными увлечениями молодости и превращается в лживого человека. Именно яркой обрисовкой этого нового типа той эпохи тип Кушевский угодил современному критику и читателю. Во времена Кушевского бурно протекал процесс классового расслоения более или менее единой до тех пор интеллигенции. Одна часть интеллигенции, разочаровавшись в «великих» реформах, шла на службу новой буржуазии; другая, более демократическая и более тесно связанная с массами, уходила в «народ», зачиная новое, народническое движение.

В романе яркими красками описано либеральное «золото» — восторженные юнцы и девицы, либералы которых не простирается дальше словесных сотрясаний воздуха. Высокомерный и подловатенький «либерал» из баронов, Володя Шрам, пытается организовать «тайное» общество путемассовского типа с весьма туманными целями. Батая эта, как и следовало ожидать, кончается

«ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА» ДЛЯ РЕБЯТ

Детизат при ЦК ВЛКСМ выпускает в числе юбилейных пушкинских изданий «Пушкинская библиотека» из 20 книг, в 3—4 печатных листа каждая. В эту «библиотеку» войдут три тома отдельных стихов, поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Медный всадник», «Братья-разбойники», «Кавказский пленник», «Цыганы», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», прозаические произведения: «Барышня-крестьянка», «Метель», «Станционный смотритель», «Выстрел» и др.

Каждая из двадцати книг выйдет двухсоттысячным тиражом. Семнадцать книг из этой серии уже вышли в печать. В течение 1980 года «Пушкинская библиотека» будет выпущена полностью.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ А. БЛОКА

Гослитиздат печатает собрание сочинений Александра Блока в одном томе, со вступительной статьей А. В. Дунаевского и биографическим очерком В. Н. Орлова. В одном томе входят: стихотворения, поэмы и драматические произведения Блока, статьи об искусстве; предисловие и приключения А. Блока к собраниям его произведений; планы отдельных поэм и драматических произведений. Тираж — 20.000.

Издательство «Советский писатель» выпускает в августе XII том собрания сочинений Александра Блока.

Значительное поэже будет выпущено VIII том собрания сочинений А. Блока, куда войдут статьи: «Россия и интеллигенция», публицистические статьи 1915—1921 гг., «Последние дни императорской власти».

Загримированный Жуковский

Б. МЕЙЛАХ

В связи с все возрастающим интересом широких читательских масс к творчеству Пушкина весьма актуальным является изучение также пушкинского литературного окружения. Живая литературная борьба пушкинской поры не может быть понята без исследования творчества таких поэтов, как Рылеев, Вяземский, Баратынский, Гавриш, Жуковский и др. Наиболее действенным является, пожалуй, вопрос, связанный с именем Жуковского. Так, до сих пор раздроблена в достаточной степени личность утверждения казенной академической науки царских времен, будто бы Пушкин был последовательным учеником Жуковского и благодаря влиянию своего «учителя» стал «достоинным христианином».

Вскоре после Октябрьской революции ЛИТО Наркомпроса, приступая к перечислению дореволюционных изданий крупных писателей, издал также и полное собрание сочинений Жуковского. Это вполне понятно: лишь благодаря этому собранию мы имеем возможность познакомиться с творчеством этого выдающегося поэта, а также с его предшественниками — христианином и примиренцем с Николаем I. Тем не менее необходимость нового издания произведений Жуковского, сыгравшего большую роль в развитии русской поэзии и ознаменовавшего важный этап реконструк-

цической системе объясняется «спасительность» поэта (стр. 41), а переход в лагерь маршовой реакции — «сближением с Рейтернами» (стр. 75).

Но справедливость требует признать, что Вольне не во всем идет за своими предшественниками. Если не откровенно признавали, что Жуковский всегда был верным «богу, царю и отечеству» (весь смысл за это поэт и считался в царской России «лучшим средством воспитания молодого поколения»), то Вольне всецело ставается загримировать его под «либерала», объявляющего о единстве «введения нового гуманизма, счастья государственного строя» (стр. 31). Как будто советское издание стихотворений такого крупного поэта, каким является Жуковский, нуждается в подобных оправданиях! Вольне! Обходя всем известными фактами, со всей очевидностью свидетельствующими о реакционности мировоззрения Жуковского, о его отношении к восставшим декабристам и отрицательной роли в политической эволюции Пушкина, Вольне пишет: «Наступала в литературе эпоха Пушкина и декабристов. Жуковский сочувственно ее приветствовал» (стр. 42).

Не менее вредны и попытки Вольне антирепримировать значение творчества Жуковского. Именно в создании поэтики Жуковский, по мнению Вольне, — лежит основание общего утверждения критики, что Жуковский открыл для русской поэзии внутренний мир человека, человеческую душу, научил изображать оттенки душевных движений» (стр. 15). Будем надеяться, что молодые поэты и читатели в царской России не станут судить о Жуковском, патетически восклицая: «Пушкин, Лермонтов, Козлов, Тютчев, Фет, Некрасов, Блок, Белый, Бальмонт, Брюсов — вот такого замечательного поэта XIX и начала XX века, который не уступил бы на стихах Жуковского» (стр. 58). При этом Вольне умалчивает о том, что рост демократических тенденций в творчестве ряда поэтов был связан с преклонением Жуковского, что влияние Жуковского сказалось главным образом на раннем Блоке и что Некрасов стихов и учеником свой сборник стихов «Мечты и звуки», в котором выступил учеником Жуковского. Вольне, Вольне по-формалистски утверждает: «Некрасов впоследствии заимствовал его (т. е. способ сочетания латинских стихов) у Жуковского и переработал в тот особый вид, который ожил у Некрасова как собственный поэтический, его, Некрасова, «золот» (стр. 55). Так народная поэзия Некрасова, наполненная революционным пафосом, возводится к поэтической традиции Жуковского!

Но Вольне готов и поэзию Жуковского сделать народной.

О переводе баллады Бюргера «Ленора» Вольне пишет: «В процессе работы Жуковский все дальше сюжетно отходил от Бюргера, стремясь создать

Геллос Гомес (Испания). «Камень рабочего».

самостоятельную русскую народную балладу» (стр. 20). Но Вольне знает, что еще в 10-х годах XIX века эта баллада Жуковского была резко раскритикована прогрессивными литературным лагерем именно за отсутствие народности. Поэтому он некажует истинное положение вещей, утверждая, что «понятие «народ» было в начале XIX в. по сути «литературным» и что «народный» был расколот, а с другой стороны XVIII в. как был иллюзией (стр. 21). Выходит, что борьба за реалистическую народность не существовала!

Но этот факт искажения истории не единичен. Сюда можно присоединить также обещание деятельности «Арсамаса» лишь желанием друзей Жуковского записать «балладинку», в то время как там, наряду с омеями «шпионством», охотничьей и мистической фантастикой баллады. Далее, чрезмерно переоценена роль Жуковского в литературной борьбе эпохи (стр. 31), грубо искажен смысл поэмы Рылеева и Пушкина о Жуковском (стр. 52) и т. д. Не брезгает Вольне и возвращением описания Жуковского Белинского, искусственно выбирая на Белинского лишь положительные оценки поэзии Жуковского.

Исходя из этих же «критериев»,

ПОЧИЛИ НА ЛАВРАХ

Общезвестно, что за последние годы между писателями братских народов СССР установилась конкретная связь. В этой области провозглашены свдвиги, имеющие огромное литературно-политическое значение. Советские читатели получили возможность ознакомиться с целым рядом выдающихся произведений поэтов и прозаиков Экуарра, Белоруссии и среднеазиатских республик. Многие из этих авторов, заняли достойное место в первых писательских рядах Советского Союза. Творчеству некоторых из них были посвящены интереснейшие вечера в Москве и отчасти в Ленинграде. О вышедших книгах появились кое-какие статьи и рецензии. Все это не может не радовать нас.

Укрепление дружеских связей писателей народов СССР и взаимное изучение их произведений идет сейчас довольно интенсивно. Во всяком случае и читателя, для которых дружба народов Советского Союза — не вымышленная работа и не ведомственное задание, многое не может не беспокоить. Несомненно, что после достигнутых успехов (неоднократно которые отнюдь не следуют) наша литература общественность стала проявлять в этой области какую-то спорожность, удовлетворенность сравнительно малым. Почти на лаврах, многие как бы решили, что все в порядке, что дальше все само собой пойдет как по маслу. С таким вредным, демобилизационным настроением необходимо решительно бороться.

То, что еще вчера было в литературной жизни Советского Союза значительным достижением, сегодня уже не удовлетворяет. В отношении творчества народов СССР планы работ самого союза писателей, паватели, журналов и газет должны непрерывно расти, расти в геометрической прогрессии. А этого мы не видим.

Прежде всего: какую работу в этой области ведут сами писатели? Ведь многие читатели помнят, что в конце 1930 года по инициативе А. М. Горького в различных республиках и областях были созданы бригады.

За некоторыми исключениями, этот опыт блестяще оправдал себя. Вольность бригад предала полезную работу, установила связь с писательским активом и немало сделала для подготовки I Всесоюзного съезда писателей. Год спустя, в конце 1934 г., секретариат ЦСР СССР вынес постановление о необходимости возобновить деятельность бригад, реорганизовать их в постоянные комиссии. Увы, это отличное постановление осталось лишь одним из листов испорченного бумажки в пыльной папке протоколов. Правда, некоторые члены бригад продолжали общение с писателями братских республик. Но вся основная работа вскоре после съезда оказалась возложенной не на самих секретариат ЦСР СССР. Это никуда не годится. Необходимо поскорее создать указанные комиссии и вновь привлечь писателей к постоянной работе. Многие охотно пойдут на это.

Как обстоит дело в области литературно-издательской? Переводы с различных языков СССР стали появляться в недостаточном количестве. Введена платность. Качество переводов и оформления значительно повисло. Издательства работают в кон-

также с местными отделенными союзом писателей. Теперь уже не заключаются договоры с первым попавшимся литератором, превращенным в чемоданчик восторженных приятельских отзывов о его вещах. Но все-таки в этом участке работы нет сейчас оснований для особого оптимизма.

Долгожданные альманахи «Творчество народов СССР» все еще не выходят. Из одного номера не славо набор. Лишь немногие журналы уделяют достаточное место писателям братских республик.

Книг нехватает. Выпускается слишком мало названий. Тиражи совершенно не покрывают спроса. Вот, например, попросите найти в магазинах сборник поэмы Валыи Шивалева, выпущенный Гослитиздатом в январском тираже 5.000 экземпляров всего три месяца назад. Кого могут удивлять такие смешанные магне тиражи? Быть может, пора подумать о создании Гослитиздата СССР?

Особенно плачевно обстоит дело с опубликованием на русском языке наследия, оставленного писателями-классиками народов СССР. А ведь партия придает исключительное значение этой работе. У украинских, армянских, грузинских, узбекских классиков можно многому поучиться. Если взять для примера грузинскую литературу, то соотношение между гигантами — Давидом Гурамшвили, Нико Бараташвили, Илья Чавчавадзе (не говоря уже о Руставели) и современными поэтами Грузии окажется аналогичным соотношению Пушкина, Лермонтова и Державина с современными русскими поэтами. Ничего не зная о лучших представителях классических литератур народов СССР, мы все еще не имеем возможности приобрести по-настоящему к их культуре. Ну, разве не позор, что мы еще не имеем настоящего перевода произведений Шевченко?

Почему до сих пор не появились сборники переводов таких замечательных мастеров старой армянской поэзии, как Хахател Кумант и Саят-Новая? Хорошо поступило издательство «Academia», выпустив старую балломонетскую повесть гениальной поэтессы Руставели. Но плохо то, что издательство так и не разрешило вопрос о создании нового русского перевода, более современного и близкого к подлиннику. Следует приобрести переводы Гюльстедта, но это не разрешит переводов, более современного и близкого к подлиннику. Следует приобрести переводы Гюльстедта, но это не разрешит переводов, более современного и близкого к подлиннику. Следует приобрести переводы Гюльстедта, но это не разрешит переводов, более современного и близкого к подлиннику.

Выйдя в свет впервые на русском языке сборники поэмы гениального грузинского поэта Важа Пшавела является немаловажным событием в нашей общественной литературе и жизни. Но где же гениальные отклики? Где те естественные отклики, которые мы ждем от читателей? О гениальном переводе «Семь лет в Грузии» высоко оцененном в Грузии переводе поэмы Гюльстедта, сделанном Сергеем Слесарем, пока у нас еще никто не вымолвил ни одного слова.

Счастливые исключения представляют «Валандия» Юрия Яновского. Это талантливое произведение многие заметили сразу и, как у нас любят выражаться, «подняли на пил». Но сколько других книг, достойных похвалы или справедливой суровой оценки, безвольно распределяются по полкам библиотек! Сколько писателей, первые выходящих на общественную арену, с естественным волнением тешно ждут отзвон, дружеских советов или указаний!

В Осети есть писатели, заслуживающие, но не получающие никакого внимания (Соавтор Кулаев, Чермен Бетлов и другие). Совсем еще молодая абхазская литература ждет не дожидается: когда же, наконец, обратят на нее внимание и помогут не на словах, а на деле? Пока что работой наших абхазских товарищей по-настоящему заинтересовались лишь один А. Фадеев.

Когда впервые появились переводы стихов грузинских поэтов, сделанные Пастернаком и Тихоновым, стали раздаваться удивленные голоса. Некоторые критики так прямо и говорили: не ожидали, мол, что в Грузии такая сильная поэзия! Конечно, Уж очень отчетливо проявилось тогда наше печальное, устаревшее от дореволюционного прошлого, невежество, наше отставание в деле изучения братских литератур. Теперь мы все-таки не так уж мало знаем и о грузинской поэзии и о литературной борьбе в Грузии. Нам пора, наконец, выйти на своеобразную стадию «первоначального восхищения», компрометирующую нас.

С другой стороны, только единичные литераторы с настоящим усердием и любовью изучают хотя бы одну из братских советских литератур. Для них эта работа стала поистине частью их творческой деятельности. Но ведь серьезное и вдумчивое изучение творчества народов СССР должно быть широко распространено, массовым явлением.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

Вольне подобрал и тексты стихотворений. В сборнике не дано ни одного стихотворения, в котором поэт так или иначе откликается на современные события. Ведь по мнению Вольне «самый жанр патристической и одической риторики был чужд тенденциям развития поэзии Жуковского» (стр. 28). Между тем признавал официальная Россия Жуковский поучил не за баллады, а как раз за эту «лап», который он не оставил почти до самой смерти. Вообще в сборнике Жуковский эстетизировал и не дал во всем разнообразии его поэзии. Так, кроме политических, не даны совсем шутливые стихотворения и басни, которые были бы поучительно сопоставить с баснями Крылова. Нет стихотворений, вечерняющие сетующих «японскую концепцию» поэта (например, «Человек»). Стремлясь представить Жуковского только как поэта, далекого от земной суеты, Вольне не дал стихотворений, показывающих его живое участие в литературной борьбе. Например, не даны такие стихи, как «Мотылек и шесты», показывающие деформацию реалистических деталей в субъективно-идеалистической поэзии Жуковского.

По-за экономии места мы не будем останавливаться на трехдневном, а иногда и прямо безграмотном языке статьи, где «привидения, мертвые» признаются «отличительными особенностями баллады Жуковского» (9) и где о воспитании Жуковским народного наследника типично-канцелярским языком сказано: «В октябре 1927 г. он (Жуковский) вернулся в Россию и вступил в исполнение своих педагогических обязанностей» (60). Не задумываясь Вольне и о том, насколько массовому читателю может быть понятна такая вещь: «для эстетика классиками было характерно метафизическое воззрение на объект и убеждение, что основой истины служат рациональные нормы мироустройства» (23). Учено сказано, да только мало!

Выпуск этой книжки является серьезной ошибкой издательства «Советский писатель», делающего большое и нужное дело изданием «Библиотеки поэта».

... А книжка вышла тиражом 20.000...

